

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева

Трудно говорить о такой несоизмеримости, как поэт. С чего начать? И на чем кончить? И как начать и кончить, когда то, о чем ты говоришь: – душа – всё – везде – всегда.

Поэтому ограничусь личным, и это личное ограничу самым насущным, – тем, без чего Бальмонт бы не был Бальмонтом.

Если бы мне дали определить Бальмонта одним словом, я бы не задумываясь сказала: – Поэт.

Не улыбайтесь, господа, этого бы я не сказала ни о Есенине, ни о Мандельштаме, ни о Маяковском, ни о Гумилеве, ни даже о Блоке, ибо у всех названных было еще что-то, кроме поэта в них. Больше или меньше, лучше или худшее, но – еще что-то. Даже у Ахматовой была – отдельно от стихов – молитва.

У Бальмонта, кроме поэта в нем, нет ничего. Бальмонт: поэт: адекват. Поэтому когда семейные его, на вопрос о нем, отвечают: “Поэт – спит”, или “Поэт пошел за папиросами” – нет ничего смешного или высокопарного, ибо именно поэт спит, и сны, которые он видит – сны поэта, и именно поэт пошел за папиросами – в чем, видя и слыша его у прилавка, никогда не усумнился ни один лавочник.

На Бальмонте – в каждом его жесте, шаге, слове – клеймо – печать – звезда – поэта.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира –
Быть может, всех ничтожней он.

Это сказано не о Бальмонте. Бальмонта Аполлон всегда требовал, и Бальмонт в заботы суетного света никогда не погружался, и святая лира в его руках никогда не молчала, и душа хладного сна никогда не вкушала, и меж детей ничтожных мира Бальмонт не только не был всех ничтожней, но вообще между ними никогда не был и таковых не знал, самого понятия ничтожества не знал:

Я не знаю, что такое – презренье, –
Презирать никого не могу!

У самого слабого были минуты горенья,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо ВРАГУ.
Возьмем быт. Бальмонт от него абсолютно свободен, ни малейшей – даже словесной – сделки. “Марина, я принес тебе монеты...” Для него деньги – именно монеты, даже бумажные жалкие ассигнации для него – червонцы. До франков и рублей, частности, он не снижается никогда. Больше скажу: он с бытом незнаком. Кламар под Парижем, два года назад. Встречаю его, после довольно большого перерыва на неминуемой в каждом предместье главной улице с базарным названием “Rue de Paris” (Вариант: “Rue de la République”). Радость, рукопожатия, угрызения, что так долго не виделись, изумление, что так долго могли друг без друга... – “Ну, как ты жил все это время? Плохо?” – “Марина! Я был совершенно счастлив: я два месяца пребывал в древней Индии”.

Именно – пребывал. Весь.

С Бальмонтом – всё сказочно. “Дороги жизни богаты” – как когда-то сказал он в своих “Горных Вершинах”. – Когда идешь с Бальмонтом – да, добавлю я.

Я часто слышала о Бальмонте, что он – высокопарен.

Да, в хорошем, корневом, смысле – да.

Высоко парит и снижаться не желает. Не желает или не может? Я бы сказала, что

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
земля под ногами Бальмонта всегда приподнята, т. е.: что ходит он уже по первому
низкому небу земли.

Когда Бальмонт в комнате, в комнате – страх.

Сейчас подтверждаю.

Я в жизни, как родилась, никого не боялась.

Боялась я в жизни только двух человек: Князя Сергея Михайловича Волконского (ему
и о нем – мои стихи Ученик – в Ремесле) – и Бальмонта.

Боялась, боюсь – и счастлива, что боюсь.

Что значит – боюсь – в таком свободном человеке, как я?

Боюсь, значит – боюсь не угодить, задеть, потерять в глазах – высшего. Но что
между Кн. Волконским и Бальмонтом – общего? Ничего. Мой страх. Мой страх,
который есть – восторг.

Никогда не забуду такого случая.

1919 г. Москва. Зима. Я, как каждый день, зашла к Бальмонтам. Бальмонт от холода
лежит в постели, на плечах – клетчатый плед.

Бальмонт: – Ты, наверное, хочешь курить?

Я: – Нне очень... (Сама – изнываю.)

– На, но кури сосредоточенно: трубка не терпит отвлечений. Главное – не говори.
Потом поговоришь.

Сажу и сосредоточенно дую, ничего не выдувая. Бальмонт, радостно: – Приятно? Я,
не менее радостно: – М-м-м...

– Когда ты вошла, у тебя было такое лицо – такое, Марина, тоскующее, что я сразу
понял, что ты давно не курила. Помню, однажды, на Тихом Океане...

– Рассказ. – Я, не вытянув ничего, неослабно тяну, в смертном страхе, что
Бальмонт, наконец, заметит, что курение – призрачное: тень воина курит тень
трубки, набитой тенью табачного листа, и т. д. – как в индейском загробном мире.

– Ну, теперь покурила. Дай мне трубку.

Даю.

Бальмонт, обнаруживая целостность табака: – Но – ты ничего не выкурила?

Я: – Ннет... все-таки... немножечко...

Бальмонт: – Но зелье, не загоревшись, погасло?... (Исследует.) Я ее слишком
плотно набил, я ее просто – забил! Марина, от любви к тебе, я так много вложил в
нее... что она не могла куриться! Трубка была набита – любовью! Бедная Марина!
Почему же ты мне ничего не сказала?

– Потому что я тебя боюсь!

– Ты меня боишься? Элэна, Марина говорит, что меня – боится. И это мне почему-то
– очень приятно. Марина, мне – лестно: такая амазонка – а вот меня – боится.

(Не тебя боялась, дорогой, а хоть на секунду омрачить тебя. Ибо трубка была
набита – любовью.)

* * *

Бальмонт мне всегда отдавал последнее. Не мне – всем. Последнюю трубку,
последнюю корку, последнюю щепку. Последнюю спичку.

И не из сердобольности, а все из того же великодушия. От природной –

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
царственности.

Бог не может не дать. Царь не может не дать. Поэт не может не дать.

А братъ, вот, умел – меньше. Помню такой случай. Приходит с улицы – встревоженно-омраченный, какой-то сам-не-свой. – Марина! Элэна! Мирра![1] я сейчас сделал ужасную вещь – прекрасную вещь – и в ней раскаиваюсь.

– Ты – раскаиваешься?

– Я. – Иду по Волхонке и слышу зов, женский зов. Смотрю – в экипаже – нарядная, красивая, все такая же молодая – Элэна, ты помнишь ту прелестную шведку, с которой мы провели целый блаженный вечер на пароходе? – Она. Подъезжает. Сажусь. Беседа. Все помнит, каждое мое слово. Взволнована. Взволнован. Мгновения летят. И вдруг вижу, что мы уже далеко, т. е. что я – очень далеко от дому, что едем мы – от меня, невозвратно – от меня. И она, взяв мою руку и покраснев сразу вся – именно до корней волос – так краснеют только северянки: – Константин Димитриевич, скажите мне просто и простите меня за вопрос: – Как Вы живете и не могла бы ли я Вам в чем-нибудь... У меня есть всё – мука, масло, сахар, я на днях уезжаю...

И тут, Марина, я сделал ужасную вещь: я сказал: – Нет. Я сказал, что у меня все есть. Я, Марина, физически отшатнулся. И в эту минуту у меня действительно все было: возвышенная колесница, чудесное соседство красивого молодого любящего благородного женского существа – у нее совершенно золотые волосы – я ехал, а не шел, мы парили, а не ехали... И вдруг – мука, масло? Мне так не хотелось отяжелять радости этой встречи. А потом было поздно, Марина, клянусь, что я десять раз хотел ей сказать: – Да. Да. Да. И муку, и масло, и сахар, и все. Потому что у меня нет – ничего. Но – не смог. Каждый раз – не мог. “Так я Вас по крайней мере доведу. Где Вы живете?” И тут, Марина, я сделал вторую непоправимую вещь. Я сказал: – Как раз здесь. И сошел – посреди Покровки. И мы с ней совершенно неожиданно поцеловались. И была вторая заря. И все навсегда конечно, ибо я не узнал, где она живет, и она не узнала – где я.

Девятнадцать лет прошло с нашей первой встречи. И никогда ни одну секунду мне с Бальмонтом не было привычно. За девятнадцать лет общения я к Бальмонту не привыкла. Священный трепет – за девятнадцать лет присутствия – уцелел. В присутствии Бальмонта я всегда в присутствии высшего. В присутствии Бальмонта я и ем по-другому, другое – ем. Хлеб с Бальмонтом именно хлеб насущный, и московская ли картошка, кламарская ли картошка, это не картошка, а – трапеза. Все же, что не картошка – пир.

Ибо присутствие Бальмонта есть действительно присутствие.

Этот трепет перед высшим испытывает – единственно перед Бальмонтом и Кн. Волконским – и мой юный сын.

Старость ни при чем. Мало ли в эмиграции стариков – сплошь старики, – а для современного ребенка это скорее повод к незамечанию, нежели к трепету.

И – писательство ни при чем. Мало ли в эмиграции писателей, сплошь – писатели, и для сына писательницы это опять-таки скорее повод к равнодушию, нежели к трепету.

И мой пример ни при чем: для современного ребенка, а может быть, для ребенка всех времен – для сильного ребенка – родительский пример – можно не договаривать?

Нет, не старость, не знаменитость и не подражательность заставляют этого независимого и даже строптивного ребенка – не возражать, отвечать тотчас же и точно, всячески собираться, а та способность, имя которой – личность и вершина которой – величие.

* * *

Часто приходится слышать о бальмонтовской – позе. Даже от писателей. Даже от хороших. Начну с общего возражения раз навсегда: во-первых, поэту – не перед кем позировать. Где его живописцы? Во-вторых – незачем: он настолько отмечен, что первое его, насущное желание – пройти незамеченным. “Хотел бы я не быть Валерий

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Брюсов” и “Всю жизнь хотел я быть, как все” – Борис Пастернак. Если позировать – так уж в обратную сторону – незаметности, в защитный цвет – общности.

То, что так часто принимается за позу, есть чуждая обывателю сама природа поэта, – так у Бальмонта, например, носовое произношение ен и ан.

Да, Бальмонт произносит иначе, чем другие, да, его ен и ан имеют тигриный призыв, но ведь он не только произносит по-другому, он мыслит и чувствует по-другому, видит и слышит по-другому, он – поступает по-другому, он – весь другой. И странно было бы, если бы он произносил как все – он, вкладывающий в самое простое слово – другое, чем все.

Кроме того, господа, в поэте громче, чем в ком-либо, говорит кровь предка. Не менее громко, чем в собаке – волк.

Литовские истоки – вот, помимо лирической особенности, объяснение бальмонтовской “позы”.

Посадка головы? Ему ее Господь Бог так посадил. Не может быть смиренной посадки у человека, двадцати лет от роду сказавшего:

Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу –
Он вдруг – закрывает глаза.

Отсюда и бальмонтовский взгляд: самое бесстрашное, что я в жизни видела. Верный: от взгляда – стих. И еще, друзья, как сказал бы устами персидского поэта подсолнечник: – Высокая посадка головы у того, кто часто глядит на солнце.

Еще одно: поза есть обратное природе. А вот слово Бальмонта о природе, в важный и даже страшный час его жизни. Два года назад. Тот же Клармар. Бальмонт жалуется на зрение: какое-то мелькание, мерцание, разбегание... Читать у меня берет только книги крупным шрифтом. – Andre Chenier? Я так давно мечтал об этой встрече! Но мой друг-издатель 1830-го года не учел моих глаз в 1930 году.

Солнечный день. Стоим у моего подъезда.

– Марина! Не сочти меня за безумца! Но – если мне суждено ослепнуть – я и это приму. Ведь это – природа, а я всегда жил согласно ее законам.

И, подымая лицо к солнцу, подавая его солнцу извечным жестом жреца – и уже слепца:

– Слепота – прекрасная беда. И... (голосом, которым сообщают тайну)... я не один. У меня были великие предшественники: Гомер, Мильтон...

Приношу тут же свою сердечную неизбывную благодарность доктору Александру Петровичу Прокопенко, тогда Бальмонта вылечившему и так скрасившему неустанностью своей преданности и неподдельности совдохновения последние бальмонтовские здоровые годы. (Счастлива, что Вас друг другу подарила – я.)

Господа, я ничего не успела сказать. Я могла бы целый вечер рассказывать вам о живом Бальмонте, любящим очевидцем которого я имела счастье быть в течение девятнадцати лет, Бальмонте – совершенно неотразимом и нигде не записанном, – у меня целая тетрадь записей о нем и целая душа, полная благодарности.

Но – закончу срочным и необходимым.

Бальмонту необходимо помочь.

Бальмонт – помимо Божьей милостью лирического поэта – пожизненный труженик.

Бальмонтом написано: 35 книг стихов, т. е. 8750 печатных страниц стихов.

20 книг прозы, т. е. 5000 страниц, – напечатано, а сколько еще в чемоданах!

Бальмонтом, со вступительными очерками и примечаниями, переведено:

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Эдгар По – 5 томов – 1800 стр<аниц>

Шелли – 3 тома – 1000 стр<аниц>

Кальдерон – 4 тома – 1400 стр<аниц>

– и оставляя счет страниц, простой перечень: Уайльд, Кристоф Марло, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Шарль-Ван-Лерберг, Гауптман, Зудерман, Иегер “История Скандинавской Литературы” – 500 стр<аниц> (сожжена русской цензурой и не существует) – Словацкий, Врхлицкий, грузинский эпос Руставели “Носящий Барсову Шкуру” – 700 стр<аниц>, Болгарская поэзия – Славяне и Литва – Югославские народные песни и былины – Литовские поэты наших дней – Дайны: литовские народные песни, Океания (Мексика, Майя, Полинезия, Ява, Япония) – Душа Чехии – Индия: Асвагоша, Жизнь Будды, Калидала, Драмы. И еще многоедругое.

В цифрах переводы дают больше 10000 печатных страниц. Но это лишь – напечатанное. Чемоданы Бальмонта (старые, славные, многострадальные и многославные чемоданы его) – ломаются от рукописей. И все эти рукописи проработаны до последней точки.

Тут не пятьдесят лет, как мы нынче празднуем, тут сто лет литературного труда.

Бальмонт, по его собственному, при мне, высказыванию, с 19 лет – “когда другие гуляли и влюблялись” – сидел над словарями. Он эти словари – счетом не менее пятнадцати – осилил, и с ними души пятнадцати народов в сокровищницу русской речи – включил.

Бальмонт – заслужил.

Мы все ему обязаны.

Вечный грех будет на эмиграции, если она не сделает для единственного великого русского поэта, оказавшегося за рубежом, – и безвозвратно оказавшегося, – если она не сделает для него всего, что можно, и больше, чем можно.

Если эмиграция считает себя представителем старого мира и прежней Великой России – то Бальмонт одно из лучших, что напоследок дал этот старый мир. Последний наследник. Бальмонтом и ему подобными, которых не много, мы можем уравновесить того старого мира грехи и промахи.

Бальмонт – наша удача.

Я знаю: идут войны – и воинская повинность – и нарушаются – и заключаются – всемирной важности договоры.

Но благодарность Бальмонту – наша первая повинность, и помощь Бальмонту – с нашей совестью договор.

Это срочнее и вечнее конгрессов и войн.

* * *

Бальмонту нужна: природа, человеческое обращение, своя комната – и больше ничего.

Он болен, но он остался Бальмонтом.

Он каждое утро садится за рабочий стол.

В своей болезни он – поэт.

Если бы за ним сейчас записывать – получилась бы одна из прекраснейших его книг.

То, что он, уже больной, говорил прошлую Пасху о пасхальной заутрене, у которой мы семь лет подряд стояли с ним, плечо с плечом, невмещенные в маленькую Трубецкую домашнюю церковь, в большом саду, в молодой листве, под бумажными фонарями и звездами... – то, что Бальмонт, уже больной, говорил о Пасхе, я никогда не забуду.

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Расскажу, чтобы закончить, такой случай:

Прошлая весна 1935 г. Начало бальмонтовской болезни. Кламар. Хочу узнать о его здоровье и не решаюсь идти сама, потому что у меня только четверть часа времени, а войти – не выйти: Бальмонт просто не отпускает. Поэтому прошу одну свою знакомую, и даже малознакомую, случайно ко мне зашедшую и никогда Бальмонта не выдавшую, чтобы только зашла и спросила у жены, как здоровье. А сама стою с мужем этой дамы (она, кстати, будущий врач) и его волком на пустыре, в одной минуте отстояния от бальмонтовского дома.

Стоим ждем. Проходит десять минут. Проходит пятнадцать. Проходит – двадцать. Дамы – нет. Полчаса прошло – дамы нет.

– А ну-ка я пойду... Марина Ивановна, поддержите, пожалуйста, волка. Я – мигом! А как его имя-отчество?

– Константин Димитриевич.

Стою одна с чужим волком. Стоим с чужим волком и ждем. Десять минут прошло, пятнадцать минут прошло, двадцать минут прошло (я давно уже всюду опоздала) – сорок минут прошло... Совсем как в сказке: один пошел, за ним второй пошел, за вторым третий пошел – первый пропал – за первым второй пропал – за вторым третий пропал... Я уже начинаю подумывать, не послать ли на разведку – Волка, тем более, что только слово, что – стоим: волк именно не стоит, мечется, рвется – и вдруг срывается – отрывается вместе с рукой и ремнем: хозяева!

Я, скача наперегонки: – В чем дело, господа? Ради Бога! Что случилось?

– Да ничего, Марина Ивановна, все в порядке – он здоров и в отличном настроении.

Я: – Но почему же вы так долго не выходили? Теперь я всюду опоздала – сорок минут прошло!

Оба, в голос: – Сорок минут? Быть не может! Простите, ради Бога, совершенно не заметили! С ним так интересно, я в жизни не встречал такого человека. Сразу спросил: – “Вы офицер Добровольческой Армии?” Я: – “Было дело”. – “Я уважаю всякого воина”. И о войне стал говорить, страшно интересно: уважаю воина, но ненавижу войну. Потом спросил – где был после Армии. Говорю – в Болгарии. Ну, о болгарях тут – за – ме – чательно. Всё в точку. И такое рассказал, о чем я и понятия не имел: что вся наша грамота оттуда, и даже христианство, и вообще нар-род, за – ме – чательный! И нет не замечательного народа. Каждый народ замечательный. И почему – объяснил. И про простой народ тут... И что тоже – замечательный. А когда не замечательный, значит не народ, а сброд.

И тут же книжку мне подарил – про Болгарию – я у него чем-то вроде болгарина оказался. – А какой у него, Марина Ивановна, на полках – порядок! Сразу подошел и вынул – как клювом выклюнул. Тут я не стерпел: – А я, Константин Димитриевич, по правде сказать, думал, что у писателей – хаос.

– Это, говорит, мой благородный друг, злые слухи, распространяемые невежественными и недобросовестными людьми. Чтобы ясно было в голове – нужно, чтобы ясно было на столе. А когда в голове ясно – то и на столе ясно. И тут же про первые дни творения: свет от тьмы и твердь от воды... Первый порядок. И греческого философа какого-то помянул: числа – и звезды... Я в философии не знаток, а сразу понял.

Я думал: поэт – только о стихах умеет – какое! Всё знает, точно в нем сто профессоров сидят – да что профессора! – просто, сразу, без всякой скуки, каждое слово глазами видишь... (обращаясь к жене:) – Ну, конечно, это уж ваше медицинское дело – я в болезнях не знаток – (здоров, Марина Ивановна, как медведь – никогда даже зубы не болели!) – А вот так, здраво рассуждая – никакой в нем душевной болезни, и дай Бог нам с вами такой ясной головы на старость лет.

Она: – А какая у него голова красивая! В коридоре темно, стоит на пороге комнаты, за спиной свет, лица не видно, одно сиянье над головой. Я сначала не хотела заходить, как Вы говорили, вызвала тихонечко Елену Константиновну, стоим на площадке, шепчемся. И вдруг – голос:

Слово о Бальмонте. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– я слышу знакомый голос. Женский шепот слышу. Кто пришел?

Пришлось войти. Ну, объясняю: Марина Ивановна просила зайти справиться, как самочувствие, не нужно ли чего – сама не может...

А он – так ласково: – Заходите, заходите, я всегда рад гостю, особенно – от Марины...

И так широко раскрыл мне дверь, пропуская, так особенно-почтительно...

А какой он молодой! Совсем молодые глаза, ясные. И смелые какие! Я думала – блондин, только потом рассмотрела: седой. И такой особенный: простой и вместе с тем – торжественный. У меня сразу сердце забилось и сейчас – бьется. А какой порядок на столе! Книжки, тетрадки, все стопками, карандаши очинены, чернильница блестит: ни одной бумажки не валяется. О Вас стал говорить: – У меня никогда не было сестры. Она – моя сестра. Вспомнил, как вместе жили в Советской Москве, как Вы ключ от дома потеряли и не решились сказать, чтобы не обеспокоить – так и ночевали на лестнице...

Стихи говорил – замечательные. Про Бабу-Ягу – и про кукушку – и про Россию... Сначала наизусть, а потом по книжечке. Я посмотреть попросила – дал. Как бисер! И точно напечатанные.

Книжку мне подарил – с надписью. Вот.

Стоим на пустыре: будущая женщина-врач, бывший офицер, серый волк и я – читаем стихи. И когда опоминаемся – еще сорок минут прошло!

Господа. Годы пройдут. Бальмонт – литература, а литература – история.

И пусть не останется на русской эмиграции несмываемого пятна: равнодушно дала страдать своему больному большому поэту.

Ванв, 15 апреля 1936

Примечания

1 Имена жены и малолетней, тогда, дочери (примеч. М Цветаевой).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!